

языке (-ан – один из древнейших уменьшительных тюркских аффиксов), но могло осуществиться уже и на русской почве по аналогии с *одуван*, *марьян*, *стоян* и другими фитонимами. Суффиксы *-ник*, *-ка* присоединились позднее. Фонетические изменения в заимствованном слове еще до сближения с *толокно* / *толочь* затронули глухой увулярный щелевой [χ], которому нет соответствия в русской консонантной системе и который, пытаясь реализоваться в ней, переходил последовательно в заднеязычный звонкой взрывной [g] и фрикативные [ʒʹɟʹ] и [ʒʹ], а затем – после сближения – в глухой [k] и аффрикату [ɟʹ].

Впоследствии при утрате семантической связи с этимоном и затемнении внутренней формы, *толокнянка* метонимически начинает замещаться *мучницей*, а потом через южнорусские говоры проникает в белорусский, украинский и польский языки. Таким образом, *мучница* – "синонимическое" образование по отношению к *толокнянка* на этапе распада этимологических связей.

Примечания

- ¹ Шелесова Л.И. Диалект как источник этимологии. Учебное пособие. Изд-во Томского университета. Томск, 1977, 8.
- ² Нейштадт М.И. Определитель растений. М., 1957, 495.
- ³ Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, 110, 132 и др.; Голев Н.Д. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (Наблюдения над ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983, 83–84.
- ⁴ Голев Н.Д. Указ. соч. 83.
- ⁵ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. В. 17. Казань–Чебоксары, 1928–1950.
- ⁶ Наделяев В.Н. Древнетюркский словарь. Л., 1969, 526.

Н.В. Пятаева*

ОПЫТ ДИНАМИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СИНОНИМИЧНЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД *em- И *ber- 'БРАТЬ ВЗЯТЬ' В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлены результаты сопоставительного динамического исследования синонимичных этимологических гнезд (ЭГ) с общеславянскими корнями *em- и *ber-, занимающих важное место в словообразовательной и семантической системе русского языка, что обусловлено следующими их особенностями: корни *em- и *ber-, формирующие этимологические гнезда, принадлежат к древнейшему славянскому корнеслову и имеют индоевропейское происхождение; древность рассматриваемых корней проявляется в наличии закономерных

* © Н.В. Пятаева

апофонических вариантов, отражающих праславянские и индоевропейские чередования: * *em-* // * *ьm-* // * *ε-* и * *ber-* // * *bor-* // * *byr-* // * *bir-*; эти корни характеризуются высокой актуальностью и исключительным богатством лексики как в русском, так и в других славянских языках за счет словообразовательной способности и активности семантической деривации в порождении новых слов и значений: они включают лексику, принадлежащую к самым разным семантическим полям; для истории русского языка представляет интерес семантическое развитие этих этимологических гнезд, обусловившее выделение на их базе ряда самостоятельных словообразовательных гнезд (СГ) на фоне ослабления или полного разрыва их былых генетических и семантических связей.

Праславянский фонд образования, продолжающих и.-е. * *em-* ‘братъ’ и * *bher-* ‘нести’¹, послужил основой формирования и развития в русском языке рассматриваемых ЭГ.

ЭГ * *em-* в праславянском языке² организовано тремя глаголами, которые являются основой его дальнейшего развития: * *jeti*, * *jьmъ* ‘братъ, взять’ – действие приобщения объекта, * *jьmati* ‘братъ, хватать’ – процесс приобщения объекта и * *jьmĕti* ‘иметь’ – состояние обладания приобщенным объектом. ЭГ * *ber-* сформировано вокруг четырех продолжений и.-е. * *bher-*. Два из них непосредственно продолжают старые индоевропейские образования, сохраняющие древнее значение корня ‘нести’: * *bermę* < * *bherāmen* ‘то, что носят; ноша, груз’ и * *berdja* < * *bherādĭā* // * *bherādā* ‘носящая во чреве’. Гораздо большее количество членов ЭГ * *ber-* соотносятся с праславянским новообразованием * *byrati*, сохраняющим индоевропейский вокализм в презентных формах (* *berъ*) и отмеченным инновационным значением ‘братъ, хватать’.

Обзор материала свидетельствует о том, что старое индоевропейское значение ‘нести, ноша’, переместившееся на периферию ЭГ * *ber-*, уступило место более актуальному для семантического развития этого гнезда значению ‘братъ’; связь исходного и производного значений усматривается в том, что они соотносятся со смежными последовательными действиями, направленными на объект: ‘братъ’ что? ‘приобщаемый объект’ – ‘нести’ что? ‘приобщенный объект’; инновационное праславянское значение ‘братъ’, развившееся в семантическом поле ЭГ * *ber-*, обусловило синонимию этого гнезда с ЭГ * *em-*; в смысловой структуре ЭГ * *em-* выделился новый семантический центр ‘иметь’, связь которого со старым и.-е. ‘братъ’ осуществляется также через сему ‘приобщаемый // приобщенный объект’: ‘братъ’ что? ‘приобщаемый объект’ – ‘иметь’ что? ‘приобщенный объект’.

В период XI–XVII вв. состав этимологических гнезд значительно расширяется в связи с появлением новых значений и образований, ставших мотивирующими основами. Таковыми явились глагольные основы. Их значения определили направления семантического развития

синонимичных ЭГ * *et*- и * *ber*-, параллельное существование которых привело к образованию группы глаголов, обозначающих понятия 'брать, взять', состоящей из трех рядов.

Первый ряд: *ѣти* – *имати*, *възѣти* – *възимати*, *перѣти* – *перемати*, *поѣти* – *поимати* и др., общее грамматическое значение которых – представление действия приобщения объекта как единого акта с указанием результата.

Второй ряд: *имати* – *емати*, представляющие действие приобщения объекта как акт неопределенно-длительный. Помимо этого *имати* обладало значением 'иметь', выступая в качестве дублетной формы к *имѣти* (в период с XIII по XV в.). Сохранение в одном слове нескольких значений, возникших на разных ступенях развития языка, приводило не только к омонимии, ср. *имати* 'брать' и *имати* 'иметь', но и одновременно к синонимии, ср. *имати* 'иметь' и *имѣти* 'иметь', к параллелизму в отдельных значениях с другими словами, ср. *имати* 'брать', *емати* 'брать' и *брати* 'брать', а следовательно, к противоречиям в лексической системе.

Третий ряд: *брати*, который означает не только 'брать', что сближает его с *имати* // *емати*, но и 'собирать'. В древнерусских памятниках письменности *брати* обладал невысокой частотностью употребления, однако на протяжении XV–XVII вв. дистрибутивные возможности и употребляемость глагола *брати* возрастают, что становится причиной отмирания глагола *имати*, так как дальнейшее существование его в силу указанных противоречий стало невозможным.

Каждый из указанных рядов развивал свою семантическую структуру на основе значений возглавляющих их глаголов. Смысловая структура первого ряда сформировалась вокруг семантики глагола *ѣти* 'взять, схватить, овладеть' и отличалась богатой системой отвлеченных переносно-метафорических значений, что объясняется преимущественным употреблением *ѣти* и его производных в книжных и церковнобогослужбных текстах: 'достигнуть, дойти' → 'настигнуть, ранить', 'обещаться, обязаться' (ср. *ѣтисѧ по дань* 'обязаться платить дань'), 'приняться, начать делать что-л.' (ср. *пѣти ѣтисѧ* 'отправиться в путь'), 'овладеть, охватить (о болезни, несчастии)', 'воспринимать умом, слухом, зрением; вникать, вдумываться; усваивать, постигать', 'услышать, внять' → 'понять', 'принимать что-л., следовать чему-л.' → 'проникаться чем-л.' и др.

Из двух вариантных глаголов *имати* и *емати* 'брать, взимать' более употребительным в русском языке XII–XVI вв. был *имати*: встречается в памятниках письменности всех жанров, в отличие от *емати*, который выполнял функции юридического и хозяйственного термина (ср. значения его производных: *емьць* 'должностное лицо, поручитель', *емьца* 'дополнительная плата, подать', *еми* // *емки* 'щипцы, ухват' и др.).

Глагол *брати* отмечен в древнерусских памятниках письменности с XI–XII вв. в значении ‘братъ, хватать руками’, которое стало ядром семантической структуры третьего глагольного ряда. В XII–XVII вв. на его основе развиваются значения, конкретизирующие и уточняющие семантику приобщения объекта: ‘приобретать, присваивать’, ‘взимать, отчуждать’, ‘добывать (о горных породах)’, ‘захватывать в качестве военной добычи’, ‘братъ в жены’, ‘нанимать’.

Таким образом, к концу XVII в. между значениями глаголов-синонимов *ати* – *брати* намечаются существенные различия: *брати* специализируется на обозначении конкретных действий приобщения объекта, в семантическом поле гл. *ати* преобладают переносные значения, проникающие в сферы мыслительной и психической деятельности человека.

Второй круг смысловой структуры этимологических гнезд * *ет-* и * *бер-* отмечен значениями, претерпевшими существенные изменения в ходе исторического развития и потерявшими тесную связь с ядерной семантикой приобщения объекта. В ЭГ * *ет-* – это смысловой центр ‘иметь, обладать, располагать чем-л.’ (*имѣти*), производные значения которого (‘содержать, заключать в себе’, ‘быть какого-л. размера’, ‘держать что-л. в каком-л. состоянии’, ‘считать кого-л. кем-л.’) постепенно утратили сему ‘приобщенный объект’, связывавшую значение гл. *имѣти* с семантикой ‘братъ, взять’. На периферию ЭГ * *бер-* переместился смысловой центр ‘ноша, тяжесть, груз; младенец в утробе матери’, продолжающий древнюю индоевропейскую семантику ‘нести, ноша; приносить потомство’, которая распределяется между исконно русским (*беремѧ*) и старославянским (*врѣмѧ*) вариантами. Причем, конкретное значение ‘связка, охалка, тяжесть’ закрепляется за др.-рус. *беремѧ*, употребляемым преимущественно в книжной и деловой письменности, более общее значение ‘все, что гнетет, давит, тяготит’ – за цслав. *врѣмѧ*.

Семантическое развитие определило структуру этимологических гнезд * *ет-* и * *бер-*, которые в русском языке XI–XVII вв. имеют в своем составе несколько словообразовательных гнезд. ЭГ * *ет-* включает 4 СГ с вершинами *имати* // *емати* (*иматисѧ* // *ѧматисѧ*, *имовати*, *ѧмъствовати*, *иманик* // *ѧманик*, *вѣнимати*, *вѣниманик*, *вѣзимати* и др.), *ати* (*атисѧ* // *натисѧ*, *атик*, *атъникъ*, *вѣзати*, *вѣзатъка*, *вѣнати* и др.), *имѣти* (*имѣтисѧ*, *имѣвати*, *имѣник*, *имѣньникъ*, *имовитъ*, *имушити* и др.), *изѣцънии* (*неизѣцънии*, *изѣцъствик*, *изѣцъство* и др.). В ЭГ * *бер-* содержится 3 СГ с вершинами *брати* (*братисѧ*, *бирати*, *боръць*, *братик*, *выбрати*, *забрати*, *събрати*, *соборъ* и др.), *беремѧ* (*беременьни*) и *брѣмѧ* (*бременоватая*, *бременно*, *набрѣменити*, *обрѣменити* и др.).

В конце XVII–XVIII в. процессы развития стилистической системы литературного языка и нормализации словоупотребления повлекли за

собой утрату части слов, принадлежащих к этимологическим гнездам * *em-* и * *ber-*. Как правило, выходят из активного употребления семантически менее емкие лексемы, а также слова, образованные с помощью непродуктивных словообразовательных аффиксов, см., например, пары дублетов, второй компонент которых утратился: *брать // ять* 'принимать в руки', *разбирать // разнимать* 'расчленять на части', *объять // разобрать* 'полностью подчинить себе (о страхе, стыде, смехе, любопытстве)'; *невнимание // невнимательство, обременить // обременовать, выборщик // выборатель*.

Насущная необходимость в создании "метафизического" языка, т.е. национальной системы отвлеченной, философской, научной и публицистической лексики, способствовала появлению многочисленных словообразовательных и семантических инноваций. См., например, формирование некоторых терминов и понятий: *вѣнимати* 'внимать; брать умом, слухом' → *вѣниманик* 'состояние внимающего' → *внимание* (XVII–XVIII вв.) 'сосредоточенность мысли и слуха в направлении какого-л. внутреннего процесса или внешнего впечатления' → *внимание* (XIX–XX вв.) 'произвольная или произвольная направленность психической деятельности индивида'; *вѣроятьниши* 'такой, которого можно легко взять, схватить' → *вѣроятьниши* 'возможный' → *вероятность* (XVIII–XIX вв.) 'данные для осуществления, достижения чего-л.' → 'возможность, некоторая надежда' → *теория вероятности* (конец XIX–XX в.) 'отдел математики, занимающийся изучением закономерностей в массовых явлениях, из которых каждое в отдельности представляется случайным'. Среди неологизмов ЭГ * *ber-* преобладают слова, обозначающие конкретные действия и предметы промышленно-технической сферы деятельности человека: *набирати* 'набирать, скапливать в каком-л. количестве в одном месте' → *наборъ* 'действие по глаголу *набирати*' → *набор* (XVIII–XX вв.) 'совокупность предметов, образующих нечто целое, подбор' → *набор* 'типографские литеры, воспроизводящие какой-л. текст для печати'; *прибирати* 'брать к себе, дополнительно набирать' → *прибор* 'набор предметов, употребляемых при еде одним человеком' → *прибор* (XVIII–XX вв.) 'набор принадлежностей для чего-н.' → 'аппарат для производства какой-л. работы, регулирования, контроля' и др.

Общие тенденции в формировании лексико-семантической системы литературного языка обусловили изменения в структуре и составе этимологических гнезд * *em-* и * *ber-*, которые в русском языке XVIII–XX вв. состоят, соответственно, из 62 и 17 словообразовательных гнезд. Такое резкое увеличение количества СГ по сравнению с периодом XI–XVII вв. объясняется тем, что слова, утратившие смысловую общность, образуют разные СГ.

Так, в связи с архаизацией в литературном языке XVIII–XIX вв. гл. *имати // емати*, слова первой степени деривации, ранее входившие в

СГ *имати* // *емати*, образовали 15 новых СГ с вершинами: *взаимный, внимание, ёмкий, заимствовать, недоимка, поймать, пройма* и др. Глагол *яти* утратился в современном русском языке по причине повторения его значений в синонимичном *братъ*, вследствие чего его префиксальные производные образовали 41 СГ с вершинами: *взять, внять, внятнѣй, вынуть, донять, занять, изъять, нанять, обнять, отнять, поднять, понять* и др.

К концу XVIII в. завершается процесс деэтимологизации гл. *иметь* в результате утраты семы 'приобретенный объект', связывавшей его значение с общей семантикой ЭГ * *ет-* 'действие приобщения объекта', и приобретения им отвлеченного значения 'состояние обладания чем-л.', не только конкретным объектом, но различного рода способностями, умениями, знаниями и т.п. (ср. значения фразеологических сочетаний: *иметь в виду* 'подразумевать', *иметь голову на плечах* 'быть рассудительным'). Факт деэтимологизации подтверждается также архаизацией в СГ *иметь* группы сущ. *nomina agentis*, известных в предшествующий период: *имѣнникъ, имѣнница, имовитець, лихоимъ* и др., значения которых еще сохраняли сему 'приобщенный объект'.

Словообразовательные гнезда корневой группы * *ber-* распределяются по трем группам. В первую группу входят 3 СГ с вершинами: *бремя, беремя, беременная*. Из двух древнерусских вариантных основ *беремѣ, брѣмѣ*, продолжающих этимологическое значение 'нести, ноша; приносить потомство', в современном русском литературном языке закрепляется вариант с опрошенной основой *бремя* в церковнославянской огласовке, сохраняющий принадлежность к книжному стилю. Исконно русская полногласная основа *беремя* является принадлежностью диалектной речи, обнаруживаясь в литературном языке лишь в производных образованиях, одно из которых – *беременная* – стало вершиной самостоятельного СГ.

Вторую группу образуют 6 гнезд: СГ *братъ* и 5 новых, выделившихся из него в XVIII–XIX вв., словообразовательных гнезд с вершинами: *забрать* 'загородить', *забор, оборка, пробор* и диал. *подбористый* 'стройный, статный, подтянутый'.

В составе третьей группы 8 СГ, возглавляемых возвратными глаголами, обозначающими различные действия перемещения в пространстве, которые потеряли грамматико-семантические связи с невозвратными коррелятами и вследствие этого вышли из состава не только СГ *братъ*, но и за пределы лексико-семантического класса глаголов приобщения объекта: *взобратъся, выбратъся, добратъся, забратъся, перебраться, подобратъся, пробраться, убратъся* 'удалиться, уйти, уехать'. Формирование семантики 'перемещение в пространстве' в смысловой структуре ЭГ * *ber-* обусловлено, на наш взгляд, проявлением в значениях современных глаголов старого индоевропей-

ского значения 'нести' – *взобраться* 'перенести себя в направлении снизу вверх', *выбраться* 'перенести себя изнутри чего-л. наружу или с одного места на другое' и т.п. (ср. проявление семантики 'нести' в значениях глаголов ЭГ * *em-*: *снять* 'покинуть какое-л. место, отправляясь в путь; поехать, пойти в каком-л. направлении', диал. *донять* 'дойти, доехать до кого-л.'; болг. *емна*, *поема* 'отправиться куда-л.').

В морфологической системе русского языка XVIII – начала XIX в. завершается формирование категории глагольного вида. Этот процесс способствовал образованию в глагольных группах этимологических гнезд * *em-* и * *ber-* коррелятивных видовых пар с помощью корневого аблаута: *внять* – *внимать*, *занять* – *занимать*, *обнять* – *обнимать*; *обременить* – *обременять*, *выбрать* – *выбирать*, *забрать* – *забирать* и т.п. Что же касается пары *взять* – *взимать*, то ее образование стало невозможным по причине существующих расхождений в семантике составляющих компонентов: *взять* 'принять в руки, получить' – *взимать* 'собирать налоги, подати; взыскивать'. Таким образом, оставшийся без однокоренной видовой пары глагол *взять* "нашел" ее в синонимичном ЭГ * *ber-* "в лице" глагола *брать*, имеющего имперфективное значение 'принимать в руки'.

З а к л ю ч е н и е. На всем протяжении функционирования двух синонимичных ЭГ в разные периоды развития русского языка: в них осуществляются количественные (рост лексических единиц, усложнение словообразовательной системы за счет увеличения числа словообразовательных гнезд) и качественные (обогащение семантической структуры в результате действия процессов концентрации и филиации значений вокруг определенных смысловых центров) изменения.

В смысловой структуре ЭГ * *em-* оформилась система отвлеченных понятий мыслительной и духовной деятельности человека: 'осмыслять, постигать содержание, смысл чего-л.' (*понимать*), 'охватить в полном объеме содержание, сущность чего-л.' (*объять*), 'оказывать дружеское расположение' (*приятствовать*) и др. Напротив, семантика ЭГ * *ber-* сосредоточилась на обозначении конкретных физических действий приобщения объекта и производных от них понятий: 'принимать в руки' (*брать*), 'взять кое-что из множества' (*выбрать*), 'взять, собрать дополнительно' (*добрать*), 'аппарат для производства какой-л. работы, регулирования, контроля' (*прибор*).

Параллельное развитие синонимичных ЭГ * *em-* и * *ber-* в истории русского языка привело к образованию между их глагольными рефлексам супплетивной видовой пары *брать* (НСВ) – *взять* (СВ), что подтверждает тезис современных исследователей о том, что супплетивные формы не являются пережитком древнего состояния языка, а возникают в разные периоды его существования в связи с развитием абстрагирующей способности мышления³.

Примечания

- ¹ Современные ученые признают факт развития в праславянских рефлексах и.-е. * *bher-* нового значения 'брать, хватать', которое стало более актуальным для семантики ЭГ * *ber-* и обусловило синонимию с ЭГ * *em-*. См.: *Stawski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. I, 487; Фасмер I, 159; Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М., 1986, 33–40.*
- ² Описание этимологических гнезд применительно к праславянскому состоянию осуществлено на основе новейших праславянских этимологических словарей ЭССЯ, вып. 1–21 и *Słownik prasłowiański t. I–IV.*
- ³ См.: *Горбачевский А.А. К вопросу о путях возникновения супплетивных форм в славянских языках. Душанбе, 1967; Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972, 396–438; Евгеньева А.П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. JL., 1972, 5–22.*

В.Н. Топоров*

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-ИНД. *kram-* 'ШАГАТЬ, СТУПАТЬ'

Уже не раз отмечалось, что наибольшие успехи в этимологии за последние полвека связаны с тем, что можно назвать с е м а н т и ч е с к о й реконструкцией, конкретнее – с определением того исходного или, точнее, предельно достижимого при имеющемся уровне знаний с м ы с л а, который м о т и в и р у е т внутреннюю форму исследуемого слова. В других языках (а нередко и в том же самом) слова с тем же значением, но иной формой могут мотивироваться иначе, и совокупность таких мотивировок разноязычных слов с общим смыслом, по возможности полная, образует корпус ценнейших сведений по семантической типологии, которые, уточняя детали разных типов словопроизводства, выделяя индивидуальное и даже уникальное, с одной стороны, и общее "типовое", с другой, оказывают этимологу существенную помощь в его дальнейшей работе.

Ставя перед собой задачу семантической реконструкции слова, исследователь находится в н у т р и я з ы к а и работает исключительно или прежде всего с языком, поскольку задача его чисто языковая. Отсюда – постулат доверия к показаниям языка и установка на обнаружение неких иных, пока скрытых от него показаний, которые могли бы оказаться полезными для решения его задачи. Но сам язык обычно "разыгрывает" некую вне его лежащую ("внеязыковую") данность, ситуацию или, точнее, за словом стоит, слову соответствует некая "реальная" (или представляемая как таковая) ситуация, возникшая вне языка и существующая исходно вне языка и только получающая в слове "второе" рождение, более сильное и операционное

* © В.Н. Топоров